

БЛАЖЕННЫЙ ИОАНН

СОЛОВЕЦКИЙ

САД

Богомильское царство

ПРЕДИСЛОВИЕ

**В разгар адского красного Гулага
в нескольких метрах над Соловками
родилось небесное государство
Мирротверь**

Ничто не однозначно в церкви. Вокруг могущественного престола реют рои демонов. В метре от облака орлиного зренья ползают змеи. Друзья сидят за одним столом со злоумышленниками. За трезвением вослед гонится гипноз. Колдуньи в церкви, мимикрируя под святых, навешивают праведникам личину проклятых. Богородица Державная ведет Россию с марта семнадцатого. Кто дерзает прославлять Державную?..

Подлинная история XX века совершалась невидимо и анонимно. Помимо коммунистической лжи со съездами КПСС и газетной правдой еще тысяча слоев пыльной отравленной лжи. Правда вывернута наизнанку – карикатура, лицемерие. Святые представлены дьяволами. Воплощенные демоны, как Ленин и Сталин, – 'святыми'.

Важнейшие события прошли мимо нашего взора. Хотя им уже нет возврата, но не понять ничего в собственном прошлом – оступить в настоящем и потерять надежду на будущее.

Россия ничего не помнит и даже не догадывается об истинных смыслах происходящего с ней. И пока не найдется хоть один премудростью божией вдохновленный объяснить молодому поколению, что происходило в середине XX века, кар-

тинка юнца с бутылкой пива в центре Москвы и наркоиглой останется неизменно популярной.

В марте 1917-го царь препоручил корону Божией Матери. В тот же день и час открылась икона Державная, и Царица Небесная заявила о себе как о Путеводительнице.

С 1917 по 1971 гг. длилось царствование Михаила II Александровича Романова.

В разгар адской мясорубки, земной преисподней концлагерей красного Гулага буквально в нескольких метрах над Соловками родилось небесное государство Мирротверь. Это было само Царство святого духа, одновременное Гулагу. От него на Святую Русь сходят образы и идеалы третьего тысячелетия.

Не кремлевскими указами начальникам Дмитровлага и не докладами маршала Жукова генералиссимусу Сталину запечатлится Россия XX века, а огненным престолом Жены Облеченной в Солнце и поколением блаженных. Не развратом, наркомафией и гомосексуализмом, а мощным движением за девство и здоровые красивые семьи, великим обращением к богу живому и следованием универсальным законам Царствия в единой вселенской церкви, объединяющей миллионы душ с праведной меткой на челе. Не Первая мировая, не октябрьский переворот, не Сталин и не Сталинградская битва, а описанные выше вехи станут предметом пристального внимания молодежи десятых годов XXI века.

Знает ли Пермь, что буквально в пяти километрах от нее произошло событие, решившее судьбу России XX века: расстрел великого князя Михаила Александровича? Пуля не взяла бывшего генерала Дикой дивизии. В него стреляли двадцать раз в упор из нагана, из винтовки. Пули, казалось, отскакивали от него, как от стены. Злодеи разбежались в ужасе. А окровавленного великого князя вскоре чья-то божия безвестная рука доставила в дом и выходила.

Не церковь только, но и царство уходит в катакомбы, не Николай II только, но и Михаил II Александрович Романов – чтобы сохранить честь и совесть. Россия вся, 150 миллионов, восстала на царя – и царь выходит один на один против красного дракона и 150-миллионного его воинства и побеждает его в духе, спасая Отечество.

Какой ход промысла! Чтобы испытать силу царева жезла, поставить царя одного, без единого друга, против 150-миллионной державы и сделать так, чтобы он победил! Архиепископ Серафим Поздеев (под этим чужим именем скрывался великий князь Михаил Александрович Романов) победил! Богатырской своей рукой, унаследованной от отца, царя Александра III, свернул шею дракону и выбросил его в пропасть. Большевики проглядели его в упор, как тщетно стреляли в упор на ночной дороге под Пермью. Коммунисты 39 лет гноили его в казематах, пересекали, дробили, изничтожали – и ничего с ним не смогли сделать. Пренебесные литургии сияли в бараках, и солнечная церковь Соловков над адом ежедневных пыток, безумств и страданий.

88-летний блаженный старец, немощный и едва живой, ходил, как в нетленной плоти, уже сверхчеловеческой. В 1971-м – только захлопнулась крышка гроба, запахло небесными цветами от царя Михаила II – Серафима Умиленного. Над гробом четыре сгорбленных старушки, а в запахах цветов – тысячи тысяч душ, им препровожденных и отпетых.

Россия прошла мимо Лурдской Богоматери, сказавшей в Париже в 1858 г.: 'Я Непорочное Зачатие' (более: Мать, рождающая свыше без греха). Россия прошла мимо Слова Фатимы: 'Только Я могу вам помочь'. И ни разу (о стыд и позор!) в XX веке не прибегла к помощи Владычицы небесной. Как собирается она бороться с мафией, нацизмом и гомосексуализмом? Собственными силами?

О какой собор на Соловках! В ошеломительных цифрах: 100 тысяч, 80 тысяч, тысяча попавших в царствие, 3 тысячи мощами покоящихся в земле... Кому сегодня известна эта статистика более чем реальной жизни России, протекшей на наших глазах?

В 1998-м – обретение мироточащих мощей святой старицы Евфросинии в неземном благоухании. Мощи святой Евфросинии возвращают православию орлиное трезвение и аскетическую ревность о стяжании святого духа. Православие деинституционализируется и переходит из храма в домашнюю комнату-келью, из унылого обряда в богодухновенную мистерию, из скучнейшей долины – в таинственную пустыню, где водима огненным столпом Божества. Соловецкий сад подает России самую прекрасную молитву всех молитв – розарий, лествицу. В ней с ее 15 таинствами, радостными, скорбными и торжествующими, запечатлевается все евангелие. Ныне Святая Русь примеряет ризы из таинственных роз райского сада и находит это одеяние наиболее подходящим ее мистическому строю.

Пока фарисеи дискредитируют Христа в храмах как злопамятного, равнодушного, 'ихнего', Христос открывается как Агнец. Это другой Христос: безумствующая любовь, какой нет в мире, страстная радость, вызывающая на диалог, последняя правда, побеждающая скорби и страдания. Христос-агнец открылся церкви истинной – могущественный как лев и кроткий как голубь. Услышьте основное событие начала XXI века – откровение Соловецкого Христа-агнца и возлюбите его хотя бы миллионным подобием того, как он любит вас! И примите духа его, духа святого от церкви его сердца.

500-летняя история православия есть история иосифлянства: сплошная череда искажений и клевет, перевернутая с ног на голову. Злодей-лжесвятой Иосиф Волоколамский канонизирован. Неотмирская вера святых в загоне. Традиционно зло, а Слово божие внове.

Но вот с начала 90-х поем ей: 'О блаженная, о чудная, о живая, о преображающаяся'. Вот с 1999-го открывается она на Морской горе Финского залива как Жена Облеченная в Солнце с ангелами огненными. Что же еще? Разве не поднялась Россия на метр от земли от восторга веры? Разве не повторяет каждое слово Пресвятой Девы по слогам? Разве не вдохновилась чтением псалтыри на церковно-славянском, но относимом к святому духу? И князь Аскольд выходит из могилы и открывает истинную историю крещения России – не от Владимира Красное Солнышко, а от него, благолепного князя Аскольда Киевского, от самой Владычицы небесной благословленного на крещение мирное, на мирный переход от духовного язычества к духовному христианству.

Церковь реабилитирует Белое движение, Николая II и императрицу Александру, генерала Врангеля, возвращает в лоно святых величайшего апостола христового Иннокентия Балтского. Жена Облеченная в Солнце с грозным ликом небесным мечом обещает расправиться с дьяволоцивилизацией, с НЛО, с блудницей вавилонской и с космической агрессией. На арке Собора-2001 возвещается: Богоцивилизация III! Православное царство Святого Духа! Престол Непорочного Зачатия! София огненная, Мать-Премудрость! И молодежь скандирует: Богочеловечество, богоцивилизация, богосупружество, вечная жизнь! Звучит длиной в тысячелетие глубокая песнь покаяния, затрагивающая сердца, и люди искренне жаждут перемены. Сколько окон распахнуто настезь, как свежо дышится сегодня! Церковь трезвенная, неотмирская родилась и ведет народ к вожденным идеалам ее святых.

Веки церкви, двадцать новых путей начертаны на карте Исхода. Вот какая Россия войдет в учебники истории XXI столетия! Вот какая радость обнимет мир, когда небо сойдет на землю и святые будут свободно расхаживать среди нас. И святая Евфросиния скажет:

– Где же вы были? Что же раньше не слышали? Ну, пока не поздно – за псалтырь. Мир вам (св.Евфросиния).

И в сердце запылает свеча владыки Серафима. И вся Россия от мала до велика примет участие в соборной литургии с воздетыми руками, видя Богоматерь за небесным алтарем и слыша голос небесного владыки, и услаждаясь ликом священников мелхиседековых в благолепных ризах праведных отцов.

1 июля 2002 г.

О. Иоанн: Святые Соловецкие отцы дали определение церкви как зеркала. Бог желает через евхаристию насадить Соловецкий сад в сердцах – сад дивного благоухания, сад неземного неизреченного покоя, сад мира, вынести который душа не может в физическом теле. Это и есть горнее блаженство, безущербное его переживание на земле.

Неизреченное блаженство (объяснил владыка Серафим) есть состояние Соловецкого сада. Состояние, которое святые отцы, апостолы храма третьего тысячелетия и Брачного чертога, несут своим ученикам. Это состояние Брачного чертога, состояние, которым утешает Господь в воздаяние за скорби, крест.

Вступая в дом, благоговейно преклоняюсь перед святым твоим чертогом. Склоняюсь перед благоуханным алтарем твоим и вкушаю благодатный аромат садов твоих нетленных.

Мировые мощевые запахи, мировые мощевые капли – только знаки грядущих блаженств.

Как я могу передать благодать переживаемого мною? Никогда я не испытывал ничего подобного. Это неземное райское состояние: райское благоухание, сообщаемое на

земле во внутреннем подвижника; высоты преблагоуханных Брачных чертогов, открываемые исихастам, и благодать, открываемая затворникам египетских скитов.

Во внутреннем благоухают неизреченные цветы. Нет на земле такого состояния. Это сокровище христианства – то, собственно, ради чего человек оставляет мир, несет крест, приносит жертву богу. Это вожденная конечная цель, знамение и образ блаженства, которое душа будет испытывать на небесах, если на ее челе начертано 'избранница рая Христова'.

Но боже, какие скорби надо претерпеть здесь, на земле! Боже мой, боже мой, какие скорби!..

Блаженства крестных помазаний

Вл. Серафим: Никто из вас не понимает смысла твердых мироточений, мироточений от мощей и вообще избыточно истекающего мира. Это блаженство Брачного чертога, блаженство духа святого, блаженство Соловецкого сада пречистой Девы, Добрейшей добрых Садовницы – блаженство благоухающих неземных цветов, блаженство от нетленных тел, блаженство от райских кущ. Блаженство сферы.

И звучат гласы господни, и созерцается лик Неизреченного.

Блаженства евангельские, переживаемые учениками Христовыми, – блаженства от высших помазаний в тайны креста. Блаженства как воздаяния несущим скорби. Блаженства как состояния небожителей, передающиеся на землю. Блаженства как благоуханный сад из царствия, насажденный в лоне истинной церкви. Блаженства как атмосфера Царства божия.

Соловецкий сад благоухал в преисподней симфонии

стонов: 'О!.. Мама!.. А!..' – и глухих сдавленных криков, уходящих в ничто...

Подожди о царских наградах, подожди о порфироносных одеждах, о Суворове первой степени и о четырех – Георгия Победоносца. Прежде скорби, каких не мог вынести ни один смертный. Соловецкий молот раздроблял кости, черепа, худые ссохшиеся скелеты мельчил в порошок... Ходили, как тени.

Их можно было вынести только в другом теле. Их можно было вынести, только забыв себя, забыв в себе человеческое. Их можно было вынести, только когда уже в другом мире под действием небесных сил. Их можно было вынести только на руках живущего в помощи Вышнего под кровом крыл Матери небесной.

Их не назовешь страданиями. О слезах не было речи.

Это были состояния, в которых незнакома смерть как контраст и переход. Смерть никого не косила, никогда не приходила. Смерть дежурила, по пятам ходила, никогда не удалялась, всегда стояла рядом.

Не было ей нужды приходить с косой в свое время к страшным скелетам, какими были мы, зэки соловецкие. Смерть приходила в роскошных одеждах как избавительница. Ее ждали как часа блаженного покоя. Ждали входа в Усыпальницу. Ждали полночи, когда раздастся блаженная музыка царствия. Ждали время четверть первого, когда открывались ее хрустальные врата, стражи-привратники восклицали: 'Входите!' – и указывали жезлами в руках путь входящим.

Ее уже никто не ждал, поскольку она предполагалась после каждого допроса, после каждой адской ночи, после

каждой трапезы с застрявшим в горле окаменевшим куском хлеба.

Удел скота убойного казался райским по сравнению с выстрадавшим нами. Ни один человек ни в какие времена не мог бы перенести подобной скорби без помощи божией.

Смерть была скорее наградой, как для жертв Освенцима. Ее давно никто не боялся. О ней не принято было говорить. Единственно, что мы могли себе позволить, – смотреть в глаза друг другу и передавать что-то неповторимое, что сами не могли объяснить. Укреплять взглядом друг друга.

Не боясь, смотрели ей в глаза и знали о дальнейших уделах. Для братства нашего смерти вообще не существовало. Смерть была нами побеждена.

Беспрепятственно восходили мы в чертоги небесного Иерусалима. Для нас открывались все врата, и по собственному желанию мы возвращались на землю. Время исчезло, исчезло и пространство. Смежались и расходились десятки и тысячи миров. Одновременно как бы зеркально присутствовали на соловецких скорбных, политых невинной кровью полях.

Здесь можно было встретить кого угодно и что угодно. Сюда приходили призраки, изгнанные от всех прежних цивилизаций, из тысяч других миров. Никто ничем не интересовался. Все перемешивалось, как в поэтическом 'Бородино': всадники, кони, псы, раненные, оружие, канонада и крики несчастных... Никто даже не интересовался таинственными пришельцами. А в полночь раскрывались великолепные ангельские троны величиной в небесный горизонт...

Теперь о благоуханиях, о неземных ароматах.

Садовница Небесная приходила с ножницами и постригала георгины, незабудки, лилии в соловецких садах. Нигде и никогда не было на земле подобных цветов. Ароматы земных роз – ничто пред ними.

О! В душных, зловонных бараках от исхудавших скелетов, туберкулезно отхаркивающих тифозных, раздавались неземные благоухания. Никакие церковные ладаны, не говоря об изысканнейшей парфюмерии, не могли идти ни в какое сравнение.

Внезапно волны благоуханий находили среди злосмердных миазмов, среди умирающих в грязной отвратительной одежде. Их смирительные рубахи с пятнами крови, пропитанные грязью лохмотья источали неземной аромат и казались прекраснее царских одежд.

Дитя мое, в часы серафических литургий, когда мы, двенадцать иерархов, служили Литургию Соловецкую для сонмов сонмов душ нашего неземного царства, ангелы воскаждали из золотых кадила, и, вкушая от их небесных ароматов, мы впадали в блаженные экстазы, забывая о себе самих, о времени, сочетавшись Бранным Одром.

Четыре скаженные бабульки, что стояли у моего гроба, оплакивая отченьку своего Серафима, вкусили эти ароматы. Когда последние гвозди забили в крышку, раздалось впервые это неизреченное благоухание, поскольку мой успенский одр окружили четыре соловецких ангела с золотыми кадилами в руках. Разница была единственно в том, что на Соловках во время литургии ангелы в белых одеждах, окаймленных золотом, и с кадилами в руках были державные, а надгробные, окружившие меня, малые.

Не спрашивай о моем первом периоде, о первой моей жизни. Он стерт и вытеснен, и забыт, иначе был бы я монах-балаболка.

Блаженнейшие вкушения неземных ароматов продолжались до тех пор, пока душа не впадала в полное изнеможение и уже больше не могла вкушать. Неземные запахи буквально проникали все наше существо и явно входили в бессмертные тела. Могло ли раздробленное, до размеров человеческой ладони сжавшееся человеческое тело вкушать от этих ароматов? Никогда. Ходили в бессмертных телах.

Мне предстояло достичь величия царственного священства, царской ступени. За одну строку евангелия я готов был отдать все царства земные. Мне как царю на Соловках были открыты тайны, преподнесены несметные сокровища.

Дитя мое, я видел такое, что человек вместить не может. Потому навсегда дал обет нищеты и юродства. Дитя мое, перед моим взором проходили самые прекрасные души, когда-либо бывшие на земле. Я созерцал символы, архетипы, образы, идеалы и ларцы с помазаниями святой Руси, древние источники и кладези.

Я обладал силой бессмертных божественных старцев. Мне была дана власть над всем творением. Я управлял. Ангелы подчинялись мне и все живые существа. А в Бузулукии тмутараканьей юродствовал под немощного старчика. Что по сравнению с Соловками, скипетром царской власти и вверенной мне царской короной шутовской колпак и прежняя жизнь? Как тени, шествующие по освещенной лунным светом стене.

Раздробляли суставы пальцев... По-земному боль была бы адской. Боль не чувствовалась.

Таинственная история России

Как печалилось отеческое мое сердце о том, что Россия не знает своей истории! Моя дорогая глупая Россия... Современники не догадывались о творящихся чудесах. Где-то в десяти верстах от древних поселений блаженствовали небесные святые. И засыхали цветы их молитв, их хранили для наследников, и только. Христианский период — не больше одной десятой от истории древней России.

О дитя мое! Что я пережил, когда вошел в древнее святилище и ангелы облекли меня в белые одежды, снабдив особыми знаками посвящения и паролями для вхождения в каждую из дверей, таинственно охраняемых!

Россия никогда не отступала от своего превечного архетипа, от князей до монахов. Укрепление свыше от духа и неба российского получали только те, кто находился в архетипе, несмотря на положение в обществе, будь то последний изгой и юродивый или царь. Несмотря даже на национальную принадлежность. Извечный архетип диктовал формы земной жизни. Существовали его правила и принципы, нормы и одежды.

Старец Серафим Саровский, чье имя я ношу, был архетипическим солнцем русской святости, не зависящей ни от времени, ни от истории.

Дитя мое, на Соловках при виде страдания несчастных не испытывал я такой режущей боли в сердце, как при мысли о том, какому злодейскому искажению подвергается русская история. В ночных молитвах простирался я пред небом и просил, чтобы Всевышний послал новых несторовлетописцев, чтобы были вскрыты небесные архивы и наконец открыта правда русскому народу о его прошлом, о его истинных отцах и воинах, о старцах-победителях, о

его походах, о его богатырях, молитвенниках и плакальщиках. Но более о тайнах, хранимых на святой Руси, о ее помазаниях и самобытных чертах.

Ничего не знают и о своих царях. История перевернута. Учебники невыносимо исказили русскую историческую реальность. Нет ни одного русского царя, от Рюриковичей до Романовых, о котором сегодняшний читатель мог бы иметь хотя бы приблизительное представление. Даже об Иоанне IV.

Тайны Святого Духа

Какую радость испытывали умирающие зэки, когда мы приходили к ним и, закрывая уста, чтобы они не издали ни одного подозрительного звука, исцеляли их.

Я владею тайнами тайн, от каждой из них жизнь могла бы продлиться до тысячи лет. Я мог бы одним дыханием уст истребить всех врагов божиих на святой Руси. Но не велено мне до скончания века. И разве велено вашему убожеству и нерадению открывать с небес тайны духа святого? Вылетит душа, как джин из бутылки. Но помните о царской силе старцев соловецких и не вызывайте попусту гнева нашего.

Сколько слез пролил я на Соловках над каждой душой! И каждую душу оплакал, омыл слезами, прежде чем покрыл нетленными простынями. Чиним слез препровождал.

Не объяснить односложно. Соловки открывались впервые в истории рода адамова. Не было таких ангельских чинов, как на Соловках, не было таких масел блаженных. Соловки взыскуют своего евангелия. Соловки достойны своей бессмертной летописи. Соловки нуждаются в сво-

их иосифах аримафейских, способных снять с креста сто тысяч новомучеников.

Я говорю с вами, как Господь говорил с учениками в Новом завете, притчами и гананиями, поскольку ничего нельзя выразить в понятных вам словах и образах.

Сражение с драконом

...Как в легендах и в откровении Иоанна Богослова (12-я глава), дракон испускал кипящую зловонную струю. Из огненной его пасти выходили рати дьявольских воинов.

Отверзались тверди. Стремительным был бег воинских ратей бога Саваофа. Затем все смешивалось в сражении. Исход всегда был – победа бога, но при этом напряжение сражения было таким, что казалось: еще один шаг, и бог отступит и дракон одержит победу...

Страшный черный дракон был величиной с полнеба, как огромная летучая мышь, распластанный. Действовал он, скрежеща зубами от злобы и ворочая отвратительными глазами, как шарнирами.

Агнец вел с ним сражение на противоположном небе, всегда спокойный и прекрасный.

Потаенный свет Соловков

Самое прекрасное время для молитвы на Соловках – зимой. Молитвенное облако стояло почти круглосуточно. Одни спали, не просыпаясь; другие, как мы, вообще не знали сна. Вместо сна – переход из одного состояния в другое, из мира в мир.

Русский народ ничего не знает. Что же это за сын, если ничего не знает о своем отце? Что же это за человек, если он ничего не знает о себе и о своем Творце? Вся история Соловков заключала в себе кладези прекрасных

душ, владевших высшими тайнами премудрости божией. Куда ушли они? Кому передадут открытые им знания и свое совершенное мастерство? Кто готов наследовать их? Кто может прочесть таинственные свитки, хранящиеся в древних пещерах и приготавливаемые?..

Может быть, эта книга найдет отклик, обратит к истинной истории России.

Как мог я не сойти с ума в Бузулуке, храня столь великие тайны! Десятки раз давал я обет молчания и не мог сдержаться... И кому мог я доверить видимое? кому мог передать? Ни одного ученика! Из-за этого испытывал страдание едва ли не большее, чем на Соловках.

Слезы не просыхали, текли ручьями. От них омочались одежды, и от скорбей наступал полный мир и уверенность – проснется Россия! Что потоки слез моих орошают землю и придут души верные. Наследуют с радостью и будут просить рассказать им еще и еще. И будут черпать от Соловков, и говорить:

– Больше ничего нам не нужно, говорите только от Соловков, говорите только о Соловках. Мы хотим знать запечатанную историю России. Начертайте нам истинный образ Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха, Михаила Тверского и Николая II.

Проснется Россия, вздохнет, возрадуется. Проснется после страшного кошмарного сна, после столетий кромешной тьмы. Проснется и восстанет. И придет на Святую Русь царь светлый и добрый. Скипетр не будет выпускать из рук. И даст ему Господь власть, какую даровал мне на Соловках, и тотчас онемеют все враги России. Никто не посмеет атаковать ее границы. Дьявол навсегда отступит.

Мы называем это время Соловецким Воскресением. Радость великая придет на землю.

О. Иоанн: Владыка говорит – агония дьяволицивилизации наступит внезапно, быстрее, чем мы могли бы себе представить. Буквально в считанные месяцы, дни, часы. Тогда откроется божественный план о творении. Но большинство душ будут избиты и уведены от земли как негодные к преобразению и к новой жизни. А новая Святая Русь восстанет, и час ее пробьет.

ЧЕТЫРЕ ЖИЗНИ

Владыки Серафима

О. Иоанн: О четырех жизнях четырехждырожденного последнего русского царя Михаила II Романова, или старца Серафима, архиепископа ИПЦ и патриарха Соловецкого, преображенного царя новой Святой Руси.

В жизни прошлой пришлось замараться, окунуться по уши в грязь, чтобы Он очистил вмиг для помазания. Владыка наш, отец церкви, царь Святой Руси и увенчанный старец в белых одеждах, ходил в двенадцати бессмертных телах, десять раз умирал и воскресал, и не *дважды* только родился (как сказано в евангелии о цели пути), а *четырежды*.

Четыреждырожденный солнечный царь Михаил Романов, о тебе возвещал Даниил в книге своей (*'И восстанет в то время Михаил, князь великий, стоящий за сынов народа твоего'*, Дан.12:1) и праведный Авель пророчествовал, прозревая грядущие дали Руси третьего тысячелетия. Отмеченная тобою Огненная Иерархия одним дыханием уст убьет пятисотлетнего нажравшегося крови святых иосифлянского упыря.

Четыре жизни пережить, дать четырежды себя убить, и без надежды, с великим риском – воскреснуть.

Знают ли христиане, какому риску подвергал себя Христос, возлегши на крест, хотя от вечности готовился сойти на землю, быть распятым и воскреснуть? хотя ежедневно имел подтверждение от Отца о воскресении на третий день? хотя не переставал последние страстные полгода своего служения напоминать ученикам, что умрет и воскреснет?

Степень помрачения его божественного ума равнялась степени озарения его премудростью. Дьяволу было дано терзать сердце нашего дорогого Господа, как никакому творению. Дьяволу была попущена почти равная власть объять его, скогтить его, распоряжаться им, делать его своим рабом, как это было дано его Отцу. И победила преданность и верность богу. Начиная от кровавого пота Гефсиманского борения, Спаситель рисковал предельно. Пресвятая Дева была в ужасе, стоя у подножия креста.

Святые отцы, песнопевцы канонов и акафистов, верно по-своему запечатали ее рыдания. Но, увы нам, Божия Матерь своим заламыванием рук скорее напоминает нам иерусалимских жен. Царицу небесную пронзала еще и такая стрела: что если не сбудется пророчество, и он не воскреснет? Этот риск, этот святой страх, это небесное трепетание!

Небывалая жизнь владыки. Подобно Будде, родился он при царском дворе. Несколько лет состоял в цесаревичах¹, лихо закручивал по-гусарски усы, и уже его видели будущим русским царем. Подобно бабочке-однодневке,

¹ Согласно закону Михаил стал наследником престола в 1898 году после смерти от туберкулеза среднего сына Александра III Георгия Александровича. После рождения цесаревича Алексея Михаил Романов носит имя 'правителя государства'. (В.М. Хрусталеv, Л.А. Лыкова. Скорбный путь Михаила Романова: от престола до Голгофы. Пермь, изд. Пушкина, 1996, с.14).

Великий князь Михаил Александрович Романов

двое неполных суток числился царем российским². А ныне слава его как преображенного царя уже гремит более полувека на небесах.

В первой жизни своей готовился стать царем – перечеркнул планы. Пренебрег и карьерой великого князя, вступив

² Манифест Михаила Романова об отказе восприятия верховной власти до созыва Учредительного собрания от 3 марта 1917 года (там же, с.43).

в морганатический брак³ и тем потеряв всякую надежду на высокие посты в государстве. Мог бы благолепно царствовать на Руси, а избрал морганатическую супругу Наталию Шереметьевскую-Брасову, окончившую дни свои где-то в третьесортных меблирашках Парижа. Полуспятившей одинокой обезумевшей старухой сидела и выла часами, не поймешь о чем и к чему – последняя русская императрица, отвергнутая всеми королевскими дворами Европы.

1918 год, Россия расстреляна большевиками. Расстреляна царская династия. Пулей навывлет пробита его царская память об Отечестве. Прошлому больше не быть. После расстрела в ночь с 12 на 13 июня 1918-го в Мотовилихе, что в пяти верстах от Перми, начинается новая жизнь.

Ополоумевшие от страха большевики ищут его в каком-то Сиамском царстве, где-то в Африке, в тридесятom государстве. ГПУ направляет своих агентов в Лондон, где дожидается его Наталия Брасова⁴, сумевшая ускользнуть из коммунистического кольца в Англию. А последний царь избирает неслыханный ход – и царствовать ему 39 лет на Соловках.

В 1925-м становится под омофор, стопами на брлицу, перед умирающим патриархом Тихоном. Под ногами его ковер, и Соловецкий орел парит над православными монастырями и крепостями. Парить ему отныне над страстными Соловками.

Что такое родиться дважды? Преобразиться, отрицать прежнюю жизнь. Вторая жизнь – самоотречение. В кото-

³ С Наталией Сергеевной Шереметьевской, дочерью известного адвоката. (там же, с.14).

⁴ Наталия Брасова (супруга вел. князя получила титул графини Брасовой указом Николая II) выпросила на Пасху разрешение посетить своего мужа, и незадолго до его расстрела ей удалось бежать в Лондон. Большевики боялись, что Михаил Романов объявится в Англии. Что тогда они скажут?

рый раз отказываясь от регалий и преимуществ царской династии, от образа лихого великого князя Михаила, предводителя Дикой дивизии мусульман-горцев, от образа darling Флорру – милый увалень, как его называла любимая его сестра Ольга – сбежать в Белогорский монастырь! Вот где начнется вторая жизнь нашего отца. Белая гора находилась в 90 километрах от Перми и от Мотовилихи.

...Еще кровоточат его раны. Михаил Романов боится только одного – по пятнам крови какой-нибудь вослед пущенный сторожевой пес принюхается и настигнет его. Мокрой тряпочкой оттирает кровь с ребер, стоп и рук, и ноги сами его влекут в монастырь.

О, с каким вздохом облегчения встретил он Белогорскую обитель, где ему определено быть расстрелянным во второй раз, во второй жизни, – уже не как Михаилу Романову, а как полуграмотному удмуртскому монашку Михаилу Поздееву, чью биографию он взял себе после смерти оно-го в Белогорском монастыре. И даже вещи его и документ для соведпии.

Вторая жизнь отца нашего началась не после мотовилихинского расстрела и прихода в Белогорье, но после безмолвных бесед со старцем Николаем. 'Вот истинный царь!' – сказал о нем 40-летний Михаил Романов. Старец, ставший его вторым духовным отцом после монархического отца Александра III, возвел его на таинственные высоты истинного царства, облек в одежды царя-христа, царя-помазанника. Показал ему, каков царь перед очами божиими, соединил его Христу, возвел на вершину лестницы истинного православия.

Первые часы, проведенные в келье монаха-исихаста Николая, были ни с чем не сравнимы, неопишуты. Захлебываясь слезами, Михаил Романов повторял только одно: 'Вторая жизнь, новое рождение! Истинное царство! Я по-

знал все, что можно было познать на земле, я достиг самых больших высот, я был царем. И вот новое царство, превосходящее то неизмеримо'.

В прошлом бриллиантовые украшения, подаренные в Ницце его красавице жене, в прошлом армейские успехи и гвардейская выправка генерал-адъютанта. Великолепно образованный, английским владеющий прежде русского, играющий на нескольких музыкальных инструментах русский царь приобщается к тайнам псалтыри, зачитывает до дыр руководства святых отцов. Авва Дорофей и Лествица становятся его настольными книгами, а рассказы об оптинских старцах (издателях и, что многократно важнее, последователях игумена аравийской пустыни VI века Иоанна Лествичника) – любимыми.

Знать ничего больше не хочет о черногорских царицах, Милице и проч. И даже о своей скорбящей матери, вдовствующей императрице Марии Федоровне, молящейся о нем в Копенгагене.

Какая разительная перемена, какой огненный кризис! Поклоны, псалтырь и ежедневно ангелами примеряемый венец российского царя.

Что может быть выше, возможно ли большее вождевание, чем увенчание на престол? Сколько крови пролито среди додуновых, шуйских, лжедмитриев и проч., чтобы только достичь царской власти! Возможно. Монашеская камилавка выше царского венца. Это познал.

Тогда что может быть выше монашеской тихой молитвы, умного делания или того, что поставлено в идеал нестяжательным православием? Кажется, остановились бы на святых Пантелеимонова Афонского монастыря и на мощах молились бы. Нет. Во второй раз в прямом смысле расстреливают – уже не Романова, а Поздеева, уже не царя, а монашка среди ста. Ставят к стене, а затем – ни-

чего не понять: куда-то их смывает, кровавое пятно растекается по рубашке на спине... Затем все исчезает, и Михаил уходит из Белогорья.

Возможно ли что-либо больше? Да. Третья жизнь. Величайшая по важности, последняя за тысячу лет хиротония 25 апреля 1925 начертает страстную перспективу третьей жизни. Ему отныне царствовать над Соловками, подниматься в бессмертных телах, помазывать безвестных, осколевших, лежащих где-то на дне скованного льдами Белого моря под трехметровым слоем ила на дне соловецкого болота... Вот какой-нибудь с раздробленными челюстями и конечностями безымянный скаженный, так и перешедший в вечность с открытым ртом в своем маленьком страстном.

После расстрела монаха Поздеева совковский бомж без документов Михаил постригается под именем Серафим, и святейший Тихон примеривает ему митру Соловецкого первоиерарха, обеленную кровью Агнца. Его третья жизнь – Соловки, Гулаг.

О! Неизъяснимый мир промысла божия настолько же превосходит монашескую тишину умной молитвы, насколько Михаил Романов второй жизни, послушник белогорского старца Николая, несравненно выше образа русского царя первой жизни.

Переживший смерть не однажды, а стократ, вышедший один на один в чистом поле против красного дракона и его 150-миллионного полчища Серафим, Романов Михаил II Александрович, солнечный царь Святой Руси с выражением скорбящего смертельной тоскою вспоминает о своем прежнем монашестве. Что этот устав белогорский и лестничные утешения, и руководства для совершенной жизни, что эти велелепные парами монашеские шествия из храма в трапезную; что эта до последней смертной минуты борьба с похотью и восхождение по тридцати трем сту-

пеням – от первой, оставления мира, до величайшей, видения Господа, – по сравнению с тем, через что прошел он, уже ходящий, как Господь, по водам, уже оседлавший огненного соловецкого коня!

Третий, трижды рожденный последний русский царь, а значит, уже в третье царство, духа святого, увлекший Россию вслед за собой. И на третьем небе вместе с апостолом Павлом стоящий, равный и даже больший Павла. 'Не знаю, я был в каком теле, в сем или в ином', – свидетельствует Павел в своих посланиях. Владыке открыто больше павловых экстазов – знает, что на третье небо восходят в двенадцати бессмертных телах, мирровых, царственно-мощевых.

Описать эти тридцать девять страстных лет на Соловках невозможно. Владыка сам говорит о них. Описать его бузулукские юродства нельзя никакими словами.

Четырежды родился наш отец. В каждой жизни достигал вершины. Первая жизнь, светская, и достижение им ее вершины кого-то привлекает. Вторая – искушение для внешних, монашество. И здесь достигает послушания у величайшего из старцев. Третья не подлежит словесному описанию – здесь царство печатей, масел, крестов, помазаний из уст в уста. Даже венец традиционного старческого идеала показался ему ничем в сравнении с последующим. О четвертой его жизни, о его царствовании на небесах на престоле архангела Михаила – что можно сказать? Грядущие века откроют этот солнечный престол.

То, что рассказано, – о третьей жизни, страстной соловецкой, превосходящей вершины умного монашества в Белогорье и царское предназначение (корону). Четвертая вообще не поддается никакому изъяснению в настоящем.

Четыре венца в четырех жизнях стяжал наш четыреждырожденный отец владыка Серафим. Четыреждывенчан-

ная его Огненная Иерархия, двенадцать серафимовых братьев, один из которых любимый ученик Иннокентия Балтского, а второй – отец матушки Евфросиньюшки Никифор, – составляет силу великую, необоримую. Выйди и померься с нею в честном бою, семиглавый зверь-дракон!

...Бредет по каким-то закоулкам городским, сторонится храмов. Думает о чем-то своем – о нас, о детях своих, как им помочь стяжать венцы, как их облечь в ризы бессмертные, как научить победить дьявола, страхи, родовые программы?

Родиться дважды – отрицать прежнюю жизнь. А отец наш родился четырежды, и в каждой жизни достигал вершины. В первой жизни – вершины царской короны, и полностью отрекся от нее, став монахом. Затем отрекся и от венца монашеского умного делания, познанного под руководством совершеннейшего из старцев, величайшего из исихастов Николая. Но даже корона традиционного православного идеала показалась ему ничем по сравнению с тем, что Бог дал ему на Соловках в страстном водительстве 39-летних восхищений к небесным алтарям и совершенным им служением.

Но и от Соловецкой Голгофы отказался, водворившись уже как царь среди царей на небесах.

РАССТРЕЛ

Михаила Романова

Охранники, приставленные к гостинице 'Королевский Двор', его не просто полюбили, но были влюблены в него. Вокруг великого князя творились чудеса. Охрана была готова в огонь и в воду идти за ним. Михаил был олицетворением гениального русского военачальника: блистательный ум, простота, широта, открытость взгляда, бесстрашие, отеческое благодушие и щедрость. Его царская властность покоряла солдат, и, признав в нем своего, они готовы были идти за ним вслепую и здесь же отдать за него жизнь.

Красная вохра, приставленная охранять врага, забыв про предписания, разрешала Михаилу посещать набережную Камы, постановку 'Нора' Ибсена, кинотеатр 'Триумф'. Его навещали друзья и многие приезжавшие. В Губчека доложили о происходящем. И что великий князь живет невдалеке от камской пристани, где по ночам раздавались глухие взрывы, а потом топили в реке тысячами. Охрану сменяли дважды. Обаяние великого князя было неотразимо, и красноармейцы уже спустя несколько часов после начала несения службы, покорялись ему полностью.

Злодеи сговорились где-то в будке киномеханика в Мотовилихе, под Пермью. Вроде бы без санкции центра то-

варищ Малков, доктор, председатель губчека (Губернской чрезвычайной комиссии) подписал бумагу. Четверо: Марков, Колпашиков, Жужгов, Иванченко на двух крытых фазтонах подъехали к гостинице 'Королевский Двор'. Мясников, зам. председателя губчека, пришел пешком. Пришли арестовывать впятером, выпив для храбрости, зная, кого берут. Ворвались в его номер, испугались взгляда: 'Ваше высочество...'. Михаил схватился за живот, его боли усиливались от нервного напряжения. Половой, вор, рвань... Испеленные взглядом отступили. 'Сам пойду'.

Все делалось наспех. Не нашли грузовика для такого случая (на грузовиках возили с Лубянки в Бутырку⁵). И опять телега, дроги... Соловецкие катафалки и Бузулукский старый пыльный дребезжащий грузовик, что вез его в последний путь.

Телега со скрипящими колесами, за ней другая. Моросил дождь, небо как бы поблекло. Сели в телегу четыре расстрельщика, царь и Брайан Джонсон, секретарь его. Мотовилиха: 'Кого везут?' – 'Царя'. Небо померкло. Стоял тягучий мрак, как при Распятии.

Мясников отказался участвовать в экзекуции. Подонок и трус Марков крепился. Пьяная рвань беспокоилась: с великим князем, слывающим богатырем, с командующим Дикой дивизии нелегко им. У Жужгова дрожали поджилки. Марков крепился, сжимая в кармане наган. Колпашиков – сущее ничтожество с тоненьким голосом.

Михаил понимал, куда его везут, и молился к Пресвятой Богородице. Что-то стало наплывать на глаза. По дороге в Мотовилиху конь дико заржал, подпрыгнул, телега сособочилась и упала набок, а потом и перевернулась, накрыв пьяную рвань. Одного придавило бортом, другому мешок ударил в голову. Тяжело, грузно застыли на месте.

⁵ В Бутырской тюрьме чекисты расстреливали 'классовых врагов' – Ред.

'Пуля не брала великого князя: то осечка, то ничего не поймешь...'

Михаил Романов с Джонсоном невредимы. 'Ну!' – бесстрашно, испепеляя ничтожеством взглядом, сказал великий князь. Жужгов дрожащими руками вынул наган и стал целиться в Джонсона. Стреляли в упор 20 раз – из нагана, из винтовки, из всего арсенала. Пуля не брала великого князя: то осечка, то ничего не поймешь. Выстрелили в упор – и жив.

Убийцы в ужасе тряслись: пуля его не берет!

Вспотевшая рука палача дрожит. Ангел великой силы наносит ему сокрушительный удар в голову. Марков в ужасе бросает браунинг и бежит, пораженный, с одной только мыслью, чтобы великий князь не пустил пулю в спину. Михаил Романов пошел на остальных. Те побросали ору-

жие и бросились бежать. Великий князь подобрал наган и с презрением бросил его в канаву.

Расстреляно прошлое. Его охватил ужас, шок отчаяния. Увидел: возврата нет. Расстреляна Россия, расстреляна династия, расстреляна церковь. Ни к чему нет возврата. Бог попускает по великим грехам. Слезы текли ручьями.

Ничего не чувствовал. А потом увидел кровавые раны в боку и руки в крови.

Расстрел окутан таинственной дымкой. Наутро в газетах распространилась весть о похищении великого князя какими-то белыми офицерами. Колчак не нашел никаких следов от тел. Донесения Маркова лживы и неправдоподобны.

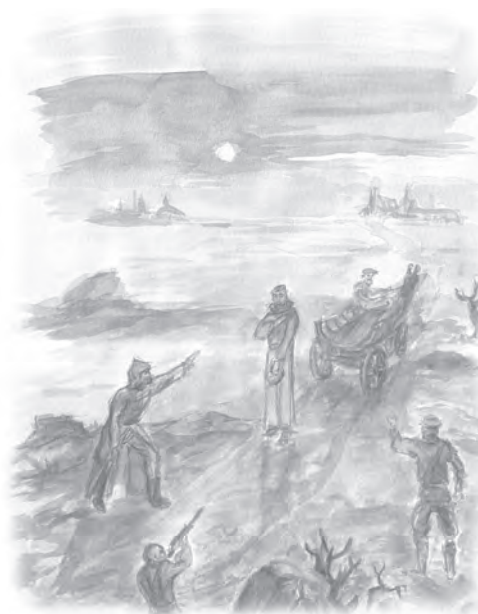
Благодать божия хранила. Не могли его застрелить. Убегали в ужасе.

Вл. Серафим: Трижды хотели арестовать меня и не могли войти. У них дрожали руки. Морды были красные, полупьяные, налитые, как у пиявок. В их лицах читался страх.

Это были закомплексованные, неполноценные люди, сущие ничтожества. Они робели от одного страха и начинали служить, какими бы ни были предписания местного или центрального ЧК. Ничего не изменилось после их бунта. Их плебейство сказывалось буквально в каждом жесте и поступке. Это были жалкие рабы. Они не знали: упиваться ли им властью или служить прежним господам?

Подонки, проходимцы, воры и ничтожества сгубили Россию.

Боялись меня уже по пути. Я чувствовал их страх. А у меня страха не было. Я их победил еще по дороге, на телеге с лошадьми. Ни один выстрел не смогли они сделать.

Над великим князем в момент расстрела встал чудодейственный покров

Передо мной стоял полуметровый щит, и пули отлетали. Бог предназначтал мне долгий мученический удел и преобразование царского венца.

Подтверждаю. Не могли расстрелять. Стреляли 20 раз. Дрожали руки. Осечки. Один упал от пьянства в обморок, у другого – три осечки. Были пьяные уже во время ареста, а один пил прямо в телеге по пути в Мотовилиху. Их охватывал ужас.

После 20 выстрелов пустились бежать, побросав оружие, боясь, что я их застрелю, поскольку обо мне шла молва как о новом Суворове среди солдат. Я с презрением выбросил оружие и ушел.

Соккрытие следов

О. Иоанн: С именем царя-патриарха старца Серафима Романова – сплошная путаница. Никакой логики, помимо *промыслительной*. Кругом противоречия и скрытые страхи, сдавленный ужас перед величием совершившегося события. Отчего-то скрывают (в том числе и в монархических кругах), что последним царем в документах, его Императорским Величеством именовался не Николай II, а Михаил II Романов.

Откуда кругом нелепица? Почему об убийстве Николая заявляют почти сразу, а о Михаиле распространяют слухи и неоднократно печатают в прессе сообщения о бегстве?..

Можно выстроить лестницу из десятков аргументов в пользу того, что Михаил сбежал, не был убит. Зам. председателя губернской ЧК Мясников, официально – главный организатор расстрела, не захотевший присутствовать при исполнении приговора, предложил перезахоронить тела (распространялись слухи о побеге), но участники расстрела категорически отказались сообщить ему не только место захоронения, но и точное место казни⁶.

Марков был один из тех, кто стрелял из браунинга с застрявшей пулей. Трижды осечка. Невозможно.

Что делать Маркову и остальным? Сказать, что Михаил убит? Ложь. Тела его нигде нет. Что если Михаил Романов объявится в Лондоне или возглавит какую-нибудь из частей наступавшего чехословацкого корпуса? Что сделают тогда большевики с расстрельщиками? Сказать, что четверо вооруженных бандитов не смогли расстрелять двух безоружных? На месте убьют. Оправившись, Марков предлагает характерный для большевистского менталитета хитроумный вариант лжи: ни то и ни се, ничего вообще нельзя понять.

⁶ См. В. М. Хрусталева, Л. А. Лыкова, указ. соч., с.157-158. – *Ред.*

В инстанции, в том числе в Петроградскую ВЧК, отправлены двусмысленные бумаги. В одной из них описано, как храбро и хладнокровно расстреляли они Михаила Романова и Брайана Джонсона, как из-за отсутствия времени (!!!) не смогли закопать тела (что вообще противоречит правилам расстрела), как забросали расстрелянных хвостом и ветками, и как на следующую ночь двое вернулись, выкопали яму, уложили тела и засыпали, заложив могилу дерном вровень с землей. В конце длинного донесения указывается, что никто из жителей об убийстве не знал. Одновременно чекисты направили телеграммы о бегстве Михаила.

Ленин неоднократно заявлял о бегстве Михаила Романова в прессе и представительствам западных держав. Убийство Николая Романова Ульянов не опровергал. Поскольку команда Колчака не нашла никаких следов от тел Михаила Романова и Джонсона, позднее ВЧК распространяет слух, что их сожгли в ближайшей плавильной печи металлургического завода, находившегося в нескольких верстах от места расстрела – роковой адской Мотовилихи.

Неожиданное решение: скрыться в монастыре

Исследователи забывают, что Николай II совершил двойное препоручение престола. Корону царского двора Николай препоручает Богородице, а внешне – своему брату в уверенности, что этот всеобщий любимец сможет завоевать авторитет в русском народе. 3 марта 1917 г. он посылает телеграмму о передаче власти 'Его Императорскому Величеству Михаилу Второму'⁷. Еще его мать, вдовствующая императрица Мария Федоровна, хотела видеть на престоле более решительного и твердого характером Михаила.

Манифест Михаила II, где условием коронации он ставит решение Учредительного собрания, свидетельства об-

⁷ См. В.М. Хрусталева, Л.А. Лыкова, указ. соч., с. 40 – *Ред.*

щего подъема любви народа к нему, говорят об уверенности его в победе: Михаил был уверен, что русский народ поклонится ему как будущему царю.

Ход, выбранный Михаилом, будущим патриархом Серафимом Соловецким, блистателен со стратегической точки зрения. Привыкший к неожиданным решениям еще будучи командиром гвардейского кавалерийского корпуса на полях сражений Первой мировой, Михаил, пока залечиваются его раны, перебирает возможности, как ему быть. И бог указывает ему неожиданный ход: скрыться в монастыре!

Его искали в поездах, следующих в столицу. В поисках его перекрывали границы. Кто же, если не бог, ему поможет? Люди божии на Руси в трудную минуту всегда искали укрыться в храме или монастыре. Михаил Романов избирает русский путь и решает укрыться в одной из самых таинственных обителей мира – Белогорской. Среди десятков высших тайн, хранимых тремя белогорскими старцами, – тайна мощей, или ключ к образованию бессмертных тел, одного из двенадцати, мощевитого.

Соловецкие сферы, указывает владыка, пришли с Белогорья: солнечная вечная богатырская сила русского духа, престол бога Отца, вседержительность Сына, торжество святого Духа. Белогорская гора Ермон перешла на Соловки.

Физиогномический анализ, сличение великого князя Михаила Романова и архиепископа Серафима Поздеева подтверждает: одно лицо. Подтверждают в Дебесах, удмуртской деревне, что в нескольких километрах от Перми: знают монаха Михаила Поздеева, простого мужичка, достаточно тщедушного и слабого.

Ясно, что предстоять Второй Соловецкой Голгофе, стать вторым христом, христом Духом Святым, стать величай-

шим апостолом будущего христианства, равным Иннокентию Балтскому, щедушный мужичок-удмурт не смог бы. Ни один великой силы подвижник не выдержал бы и десятой доли того, что пережил владыка наш Серафим. Посмотрите на величие его фигуры на фотографии с бузулукским юродивым, на его царский взгляд, львиную статью.

Соловки превзошли путь покаяния. Старца Серафима Романова надо считать отцом нового, солнечного пути. Покаяние, связанное с Иерусалимской Голгофой – искупление. Вторая Соловецкая Голгофа – восстановления, связана с путем любви. И отец наш, будучи одним из самых великих плакальщиков всех времен – кто мог бы сравниться с ним, с его ручьями умиленных слез, текущих из очей стаканами во время бденных ночей, – стал вместе с Иннокентием великим апостолом восстановления, апостолом пути любви.

Вл. Серафим: Смело учите о Второй Голгофе, превзошедшей первую, и ходите тайнами, открытыми вам.⁸

Да, я Михаил Александрович Романов в прежней жизни. Монах Михаил (Серафим) Поздеев и архиепископ катакомбной церкви, и высший иерарх среди двенадцати апостолов Огненной Церкви III в российских небесах, апокалиптический судья и венчанный от Бога.

Все, что осталось после меня, и вещи, и наперсный крест деревянный, и евангелие, благоухание от риз, бывших под поездом на пути в место атомной катастрофы – знаки моего царского величия. Мог ли удмуртский мужик, полуграмотный монашек Михаил Поздеев из Дебес сделать то, что сделал я?

⁸ Слово вл. Серафима о значении Соловецкой Голгофы см. также на сс. 234, 259-260 – *Ред.*

Мощевой мир да будет в твоём сердце. Такой мощевой мир – печать старца Николая. Мощевой мир, исходящий от него.

О. Иоанн: Владыка открыл, какую тоску он испытывал... В детстве ему являлась Пресвятая Богородица со старцем. Старец описал ему его путь в мельчайших деталях, но потом экран как бы стерся, и многое забыл.

В заключении его сердце буквально кровоточило о судьбе России, царской династии и его близких. Каждый выстрел во время расстрела кого-либо из семьи был выстрелом в его сердце. Он говорил, что Господь дал ему после препоручения венца Николаем Романовым какое-то другое сердце. И старец потом подтвердил, что царское достоинство – сердце как зеркало, – слышащее все, что происходит, принимающее в себя жертвы. Сердце жертвенного агнца-христа.

В Перми он очень тосковал по своей семье, по сыну Георгию, по дочери, по графине Брасовой, его жене, которую очень любил. Четыре его приближенных: камердинер, шофер, полковник Знамеровский и статс-секретарь Брайан Джонсон не могли заменить его прежнее окружение. Порой его охватывали приступы смертной тоски, но никогда не было страха.

Потрясают слова владыки: ничего не переменилось. Его гонители храбрились, но были сущие ничтожества: сделали бунт, революцию, но характеры не изменились. За ними стояли духи с адского дна. Владыка говорит, что их укреплял сам дьявол – революционер Люцифер. Но когда они видели перед собой благородного офицера или аристократа, их охватывал тройной ужас. Ничего не могли сделать, напивались со страха и становились еще более ничтожными, жалкими, раболопными, подлыми и низкими.

Царь становится патриархом

Владыка напомнил о встрече с патриархом Тихоном. Святейший Тихон знал, кто он, и пригласил на хиротонию, именно ему препоручая Россию. Оба обливались слезами во время хиротонии.

Серафим задал только один вопрос: останется ли он царем, будучи патриархом? Согласно каноническим представлениям царь не может быть патриархом в одном лице (согласно законам самодержавия). Патриарх Тихон долго молился и ответил ему: 'Да, небо хочет, чтобы последний царь Михаил Романов принял среди двенадцати золотых венцов, которые Господь подаст ему, и венец царя-мученика. Он остается и последним русским царем и становится патриархом. Будет патриархом, великим старцем и пророком. Господь даст ему 12 золотых венцов'.

Много слез пролилось на этой встрече. Тихон препоручил ему русскую церковь православную.

На Соловках и в Озерлаге видел преображение царской династии, дальнейшие уделы. Старец Николай открывал ему небо жезлом белогорским, когда ангелы возносили владыку к небесному Иерусалиму.

Икона 'Казанская', оставшаяся после владыки, тоже царского происхождения. Он ее хранил. Она преподнесена была ему кем-то из царской фамилии (навещали его в Бузулуке).

Вл. Серафим: Я с легкостью отказался от престола, оттого что знал про другой престол, золотой и вечный. И никогда не жалел я, что отказался от престола. Отказался от земного престола Руси, зато престол вечный для Святой Руси приобрел скорбями соловецкими, тридцатидевятилетним сроком и дальнейшим мученичеством на

земле. Царь должен страдать во имя Христово за свое Отечество.

Сопогреблись Господу в огненном крещении и с воскресением сподобились бессмертной жизни. Осанна в вышних и благословен соловецкий свидетель во имя Господне.

Каждый из усопших, увенчанных крестом, помогает повести вслед за собой от трех до десяти (в зависимости от силы накопленного креста) посвящаемых.

Белогорье – уральский Афон

О. Иоанн: Афон для русского православия – гора духовности, от нее речные потоки благодати к старческим скитам. Антоний Киево-Печерский, Нил Сорский пришли с Афона. И Паисий Величковский, и оптинские старцы Макарий Великий, Лев, Нектарий, Амвросий – наследники Афона. Вот откуда возглась свеча Богородицы, и молитва восхитилась к небу. Афон-гора просияла для Восточной церкви, и на ней оливковая ветвь Гавриилова. Кто приходил на Афон от бога, тот побеждал грех и того сама Владычица небесная принимала в свое лоно. И блажен тот, кто наследовал печати греческого Афона.

Но вот русский Пантелеимоновский на Афоне запустел монастырь. И царь последний Михаил II Александрович Романов после расстрела в ночь с 12 на 13 июня 1918 года спешит из Мотовилихи, что в пяти километрах от Перми, в Белогорский монастырь, где Афон уральский. И великий старец Николай с Уральского Афона – средоточие превечной Святой Руси, где частицы от гроба господня и плащаницы, и иконы, где в подвалах хранится образ 'Праматерь земли Русской', где Дева Богородица и русский Фавор.

Наставленный от старца Николая, именованный Серафимом царь Михаил Романов не довольствуется только

лествицей Иоанна Лествичника, аввы Дорофея и тем, в чем преуспела Россия с X по XX век. Слышит он слова старца своего: 'Господи, силою твоею возвеселится царь, каких еще не было на земле. И о спасении народа своего возрадуется он зело'.

И вот голгофа тверского князя Михаила, когда деревянная колодка была надета на его шею и проклятый варвар проткнул его сердце ножом и вынул его, и окропил землю русскую кровью русского христа. И вот колодка басурманская краснодраконова 39 лет на шее нашего отца. И так протыкают его, и эдак, и штыком, и кулаком, и пулей в спину, и ничего не могут сделать с нашим отцом!

Пресвятая Дева, по древнему преданию, хотела навестить Лазаря, воскресшего из мертвых, бывшего на Кипре епископом, но корабль разбился и причалил к Афону, где Богоматерь разбила статуи сатанинские аполлоновы и утвердила свой престол. И вот новый воскресший из мертвых Лазарь – владыка Серафим, патриарх новой Святой Руси, умиленный патриарх великого государства: 50 миллионов закланных невинных, 80 тысяч под малыми венцами, 8 тысяч с великими, тысяча вознесенных плотью и душою, 3 тысячи мощами здесь лежащих и 800 в мощах мироточащих, прославленных откроют новый русский солнечный Афон на Соловках.

И слышится слово Господа: 'Гряди, Лазаре воскресенный, из пещеры!' И отвалился камень от гроба господня – и вышли со дна соловецкого озера 50 тысяч утопленников древлеправославных и 300 тысяч священников, прославленных богом.

И слышно было слово Господа: 'Гряди, новый Лазаре!' и 'Воскресни, Русь святая!' Сколько негасимых свечей возжглось на Новом Афоне, когда владыка был восхищен к Брачным чертогам и видел одр и семьдесят сильных во-

круг него, благоухающих в мирровых каплях, и самого Агнца несказанной любви! Никто и никогда из смертных его не видел.

И прочитал Книгу жизни. И было сказано ему:

'Отсюда и вовеки начнется слава грядущей солнечной Руси, державы мира. Здесь, как некогда на Афоне, поставлю Я престол свой Нового Афона, и печати от него просяют во все концы земли и во все миры'.

'Здесь, – говорит Владычица, Добрейшая добрых в преиспещренных золотых одеждах, – я воздвигну ларец со святынями сокровища нетленного, из него будут черпать для духовности третьего тысячелетия все праведные сыновья земли'.

Отец наш на литургии восхищался к горным престолом из бараків соловецких при минус двадцать, лежа отмороженным телом, прилепленным к ледяным нарам. И старец Кирилл без рук и без ног в анзерском скиту – тридцать сантиметров на полу чистейшего мирра.

Пейте от источников богородичного Афона, где просили золотые Златоусты, Иннокентии Балтские, Иоанны Кронштадтские. И матушка Евфросиньюшка спешит, трепетная 'простофилюшка', украшенная солнечным венцом, говорит: 'Иди, детка, иди за мной'.

Мать, ты не оставишь, пока дитя твое не отстрадается и не победит там, где должно победить. И, по слову Богородицы, как древний Афон был солнцем православия, так новый Соловецкий солнечный Афон, как солнце солнц, взойдет над Брачным чертогом богоцивилизации и ознаменует огненную свадьбу Христа и Богоматери-Церкви преображенной. О радость!..

А ты, последний русский царь Михаил и владыка Серафим, с Богородицею будешь тысячу лет царствовать сре-

ди святых на небесах и на земле. Мы будем петь молитву, данную тобою чадам твоим: 'Святой батюшка Серафиме, отец наш возлюбленный, прими нас в свое стадо'.

О отцы, о отроки и отроковицы, совершим шествие со свечами в белых одеждах по льдам Белого моря аж к самому Питер-граду стольному и ко храму, превознесенному в честь нового российского Афона, открываемого ныне для святой Руси, для храма с куполом софийным. Рукоплещите, ангелы, и пойте аллилуйю треблаженства, земнородные! Близок час славы господней!

Смерть миру. ПЕРЕХОД в монашеское инобытие

Вл. Серафим: Кама была в полукилометре от 'Королевского двора'. По ночам раздавались глухие выстрелы. Пермские лагеря были первыми концентрационными лагерями.

Старцы уходили к пермским мученикам.

Владыка видел после 'Королевского двора', как тысячами погибали.

Святыище Белогорского креста и Бога Вседержителя, русского Бога.

Потом только понял, почему Белогорье – средоточие русского духа, престол русской богочивилизации, престол русского бога Отца. Невозможно поклоняться царю без образа своего русского бога Отца. Русский царь – не византийский. И Христа – русского бога Сына – забыли.

Агнец-Христос – русский Бог от века.

Белогорские старцы

Старцы открыли мне тайны божественного разума Агнца, поставили величайшие печати. Я был введен в хра-

нилище тайн божиих. Соловки родом от Белой горы, от нашего сибирского Афона. Сам бог Отец от века избрал Белую гору как Ермон российский и поставил над ней державного ангела.

Средоточие силы русской державы – здесь. И здесь же величайшие святые, с древних времен хранимые.

Учение о Христе как о боге-помазаннике, о посвящении в тайну креста, о силе и власти креста как престола божия диктуется с Белой русской горы. Оно нашего происхождения. От нас черпается сила великая.

Книга Святой Руси хранилась в Белогорье и была по воздуху перенесена в хранилище Соловков. В ней судьбы и даты. И новая Святая Русь списана с солнечного Царства.

Царь-инок Михаил

Постились на хлебе и воде. Трудно было. Восставал вначале, по привычке царской, еще от Петра I идущей. Но монашество Белогорских старцев покорило меня почти тотчас. Вот где увидел царское достоинство нищеты и впервые припал к источнику евангелия. Увидел в монахах небожителей будущего. С острой тоской думал: если бы при дворе жил хотя бы один старец! Брат мой старший Николай, царь последний, хотел стать старцем при дворе. Григория-старца призвал на помощь династии, и что из этого вышло?

Атмосфера монашеской умной молитвы покорила полностью и показала превосходство монашеского делания над мирской суетой. И Господь открыл мне истинное призвание помазанника: обрести царское достоинство Христа в его служении первосвященническом и царском.

Белогорские старцы (трое) никаких преимуществ и скидок мне не делали, хотя знали, кто я, за что, последний русский царь, я был им премного благодарен. Считали меня недостойным даже иноческого пострига. А что спешно принял образ монаха Михаила Поздеева – в упреждение времени.

Старец мой Николай оставался для меня идеалом подвижника и средоточием афонской благодати Пресвятой Владычицы. Истинным сокровищем был этот великий подвижник. Я пребывал у ног его, буквально боготворя каждое движение его уст и подражая образу его молитвы, мысли и созерцания.

'Господь вверил тебе царство российское для его очищения слезами. Вот тебе жезл плача от царя Давида. Россия останется царством Господа, пока в ней есть последний царь. Теперь в молитве достигни царской ступени царя-христа. Теперь как царь научись рыдать о своих верноподданных. Теперь как царь прими царские ризы нищеты: евангелие со слезами царское, покаяние со слезами, пост со слезами'.

От старца моего исходил дивный мир, как если бы ангел воскаждал из небесной кадиланицы близ него. Его лицо было таким прекрасным, что глаз от него отвести было нельзя. А глубина его покаяния покоряла бесконечно.

Учил он: 'Ничего кроме покаяния для спасения не нужно. Остальное делает сам дух святой. Человек пал грехом. Вымолив спасение у бога, очищается. И чем дальше шло падение в русской истории, тем успешней враги Христовы вымарывали покаяние. А нам Спаситель оставлял жезл белогорский, и цвела Белая гора подвижниками покаяния'.

После длительных многочасовых исповедей и на тысячи моих вопросов, касавшихся истории царской династии, моих ближайших коронованных родственников по всему миру, отвечал одно: 'Ключом покаяния омоется царство, их коронованные особы. Никакого другого венца, кроме покаянного, не нужно монаху. Прими от меня и ключ, и венец, и крест. Только плач о России спасет вверенное тебе истерзанное отечество.

Плачь о царской династии, плачь о церкви, плачь о мире, плачь об усопших, плачь об оболыщенных и даже плачь о красных'.

Дивный старец научил меня покаянным ключом озирать прошлое, видеть судьбы в покаянном освещении. Ввел меня в промысел божий с покаянной лестницей. Стыдно было касаться чего-либо мирского при нем. Не чуждался ни одной темы, но читал ее в своем благолепном старческом ключе, и кругом исследованное им осенялось солнечными зорями.

Я уже уходить никуда не хотел от своего старца, но он, зная волю Божию, говорил мне:

'Другой предстоит тебе путь, не монастырский. Монастырское монашество пришло к концу. Большой монашеского даст венец тебе Господь. Вся Россия скоро встанет на молитву. Потрудимся Господу, чтобы афонской благодатью освятилось Российское отечество. Молись о спасении вверенной тебе державы. Молись, уповая только на покаянный плач, на сладкие слезы'.

И сложил я царский венец, чтобы стяжать старческий, видя в нем совершенную радость и призвание.

'Ты помазанник божий, – говорил мне мой духовный

наставник, – так достигни ступени помазанныка в постижении тайн веры Христовой. Ты преемник православного царства – так достигни преемства истинного в знании тайн превечно сущих'.

Прошлое уходило, и вспоминать его было тяжело. Начинало колоть сердце, болеть совесть, мучить стыд. Прошлое было покрыто сплошной коростой греха. Начался плач за грехи царского двора, царской династии. Научился видеть происходящее без газетных известий и сплетен – в истинном ключе. В Белогорском монастыре пользовались старообрядческими книгами, и атмосфера старческой благодати была во всем.

Старцы верили, что только покаяние дает истинное утешение сердцу и в нем единственно сокровище спасения. Целью покаяния считался венец великой схимы – мирная любовь. Старцы не считали уральский Афон уступающим грузинскому или даже греческому. Пресвятая Богородица, приходя в Белогорье, часто наставляла старцев о десяти, а порой и о двенадцати филиалах Афонской горы. Уральский же престол Пресвятой Богородицы был особым и таинственным центром, заключающим в себе тайну нашего отечества, его великую историю.

Радость от покаяния и мира была такая, что забывал прежнюю жизнь при дворе, на войне, за границей, заграничные путешествия, развлечения.

'Брат, ты царь, – напоминал старец Николай, – у тебя должно быть покаяние за всю Россию'. Я плакал, целовал ему старческие ручки и говорил: 'Какой я царь? Вы – царь'.

Святые в Белогорье часто благоухали, и никто не дерзал рассказывать о них, столь таинственными были они про-

Вл. Серафим: Старец Серафим Саровский, чье имя я ношу, был архетипическим солнцем русской святости, не зависящей ни от времени, ни от истории. (с. 15) Фрагмент картины митр. Стефана (Линицкого).

Тайна же Белогорья в его пребывании в инобытии... (с. 49)
Фрагмент картины митр. Стефана (Линицкого)

исхождения: плащаницы, иконы Богородицы, иконы Господа, иконы святых, в серебряных ризах Николай Мирликийский, кадильницы, книги.

Музыка монастырской молитвы – благолепная и сладчайшая.

'Монос, – учил старец, – от сосредоточения единственно на бже. Он один достоин, чтобы мыслить о нем и жить им. 'Тырь' – сила истинная – от любви к бже. Можно и полвека прожить в монастыре, ходить в храм и ничего не получить. Необходимо сопричастие 'моносу' и 'тыри', просвещение ума и наследство от отцов. Прими его как царь последний и первый'. – 'Как это первый?' – удивленно спрашивал я. – 'Потом увидишь'.

Тайна же Белогорья была в его пребывании в инобытии, в чем я убедился впоследствии, проходя ступени посвящения от старца моего. И первые инобытийные восхищения и литургии пережил я в Белогорье, для меня послужившем прообразом дальнейших солнечных озарений Соловков.

Сколькому научился я от своих белогорских старцев. Помимо безмерного покаяния с реками слез, воспринял я от них тайную, забытую традицию любви на Святой Руси.

Отношения между старцами были церковны и совершенны, между ними царила вышняя любовь Христова. Старец Николай наставлял меня:

'Второй венец после покаянного – венец любви. Тернии и кресты – для стяжания венца любви'.

Старцы (трое) жили поодиночке, в скиту, часто навдывались друг к другу и беседовали на им одним доступном языке. С остальными монахами общались мало,

хотя влияли на их жизнь. Обстановка монашеского храма резко контрастировала со старческой.

Монастырь четырежды закрывали. Красные угрожали монахам, и те дрожали, а старец мой исчезал и возвращался. И ничего не могли сделать с ним. Николай блаженный был первым солнечным соловецким учителем нашей солнечной династии (иерархии). Часто приходил на Соловки и говорил со мной:

'Без любви не можешь ничего. Любовь делает истинно свободным. Ничего не может враг сделать против любви'. И дарил мне во множестве жезлы: трезвения, силы, власти, различения духов, ведения тайн, восхищения в лоно Троицы, помазания в крест и радость от скорбей, говоря:

'Без них не достичь царской ступени в монашестве и схиме' – и учил о мистических *зерцалах* и *созерцаниях*, идущих через них, в традициях Богородицы Афонской Белой горы.

Клобук носил, не снимая и ночью, чтобы не обнаружили сходство внешнее с отцом моим, Александром III. Меня долго искали. И неудавшееся убийство навело всеобщий страх на красных. Объявили всероссийский обо мне розыск. Разослали тайные предписания по всем российским городам, как опознать меня – о моей внешности, манерах, окружающих и т.п. Ни один из злодеев не мог догадаться, что я подамся в духовные. И деланию монашескому преданся я, как раньше военному, – со всей страстью своей.

Николай, Михаил и Алпатий легко уходили, и любимой темой было достижение инобытия через покаяние в затворе, вдали от мира. Следующая за ней ступень – мо-

нашество в миру как Христово крестное служение. Монаху, достигшему ступени инобытия, предписывалось и в миру будучи, принимая исповедь или неся другое послушание, сохранять инобытийность. Инобытийная купина не оставляла подвижника, если молитвенный плач не прекращался в его сердце, и Господь укреплял на служение.

Старец показывал мне грехи царей, грехи архиереев, отступления от прямых путей, от воли божией, от Христа, падения царств, династий, церквей... С каким удивлением слушал я его рассказы о дохристианской России, заключавшей в себе несравненно больше евангельского начала мирности, созерцания, братства и любви к богу, чем в христианские времена при засилье византийских злодеев и римских инквизиторов, духа Запада и Петра I.

'Иосиф⁹ много зла причинил России, – говорил, – но и до него злодеи покушались на церковь изнутри, и дьявол искал отнять ее превечные евангельские основания в покаянном плаче и высоких созерцаниях. Сможешь ли оплакать греховную чашу России?'

Спрашивал я: 'Господи, смогу ли оплакать?..' – и видел перед собой неисчислимые грехи российские.

'Сможешь ли оплакать греховную чашу церкви?' – и видел чашу, полную разными мерзостями змеевыми. И у старца спрашивал: 'Смогу ли оплакать грехи церкви?'

– Не сходи с молитвы и пользуйся нашим руководством. Господь усмотрит краткий путь для нашего отечества к

⁹ Иосиф, игумен Волоцкий – идеолог стяжательства в Русской православной церкви XV века, выступавший за обогащение монастырей, симфонию духовных и светских властей, жестокие гонения на инакомыслящих. Современники именовали его 'учителем беззакония', 'законопреступником' и 'антихристом'. – *Ред.*

его возрождению в светлейших образцах совершенного мира, покаяния, любви и следования пресвятой воле божией. Тебе Господь предназначит особый венец и явит чудеса особой силы в предварении грядущего его Царства на святой Руси со святыми и царственным его священством.

Явления царя Николая

Дорогой мой брат Николай являлся мне десятки раз и укреплял. Духовно я всегда считал его и в дальнейшем своем пути старшим братом. Царь Николай сиял небесной улыбкой и всегда был счастлив. И императрица Александра, его небесная вечная супруга, олицетворяла милосердие Пресвятой Богородицы, оставаясь на все XX столетие, на весь преисподний Гулаг царицей Российской.

Приходя, царь Николай заботился только о Российском отечестве, и в беседах наших шла речь о ключах помощи, о возрождении России, о грядущей ее славе.

Многие из царских родственников находились в тяжелых местах, все эти николаевичи, михайловичи и особенно оккультисты, содомиты, спириты и масоны, составлявшие заговоры против последних царя и царицы. Господь показал мне, какой великий спрос следует с царей и с царских семей за неспособность нести образ помазанника. Царство увидел я оскверненным, а церковь – растоптанной. Но восстановится Русь святая нашими крестами.

Цари деградировали, и царства пали. Ни один царь после Иосифа не мог достичь ступени Ярослава Мудрого или Владимира Мономаха. Ни один не приближался к пониманию миссии царя-помазанника. Далеко отстояли последние русские цари от тайны коронации и венца.

Сама Владычица небесная, венчанная от трех лиц Трои-

цы, открывала тайну короны, препорученной ей Николаем II в час отречения от престола. Она же, Державная Царица, вернула мне венец окровавленный, возвещая, что воссияет он нетленным золотом на тысячи лет.

'Ты спешి, царь-инок, времени мало', – наставляли меня старцы, открывая духовное призвание, помазания и образ царей третьего тысячелетия.

Александр III, отец мой, был безмерно любим нами, его детьми. Никто не сомневался из его окружения, что царь был особым избранником и нес тяжелый крест. При нем уже родились скверны и забродили бациллы, разрушившие царство при его августейшем преемнике.

Александр III был царственно великодушен и милосерд и не прибегал к насильственным мерам, как истинно христианский царь. Но много делился со своей семьей болью о происходящем и предвидел трагические судьбы России XX столетия. И иногда, заглядывая глубоко вдаль, говорил: 'Я последний царь, который умрет своей смертью', и слезы наворачивались у него на глаза. Уходил из-за стола, не мог выдержать. Потом возвращался как ни в чем не бывало мужественно продолжая беседу за трапезой.

Патриарх Тихон провидел церковь старческую

После трехмесячного пребывания в Белогорском старческом блаженстве отцы послали меня в мир к патриарху Тихону передать письмо от них. Николай, Белогорский светильник, просил в устной беседе умолять патриарха стоять несломимо и не заключать сделок с коммунистами. Тихон был, как царь Николай, последний русский патриарх истинного духа. И беда у него была та же, что и у Николая – окружение.

Трагедия патриарха Тихона состояла в том, что, сам будучи истинного духа первопрестоящим престолу божию, окружил себя чуждыми иерархами, и те склоняли его к сотрудничеству и диалогу с коммунистами.

Сам святейший был по характеру прост и лишен каких-либо амбиций, но окружающие его иереи не могли освободиться от тысячелетней ноши, от груза официальности: богатых риз, титулов, почета, храмов и т.п. Эта их привязанность к византийскому богатству и увлекла их в пропасть – к сделке с совестью и коммунистами.

Не проходило дня, чтобы они не влияли на святейшего в сторону компромисса с красными властями, говоря: 'Надо любым способом сохранить церковь в наших традициях', ссылаясь на Павла 'покоряться начальству и властям' и т.п. Тихон оставался в полном одиночестве и постепенно склонялся на их сторону.

Белогорские старцы, видя это, неоднократно посылали меня к святейшему и передавали послания, укрепляя патриарха. В посланиях указывали волю божию: необходимо церкви перейти в катакомбы и принять мученичество, изменить *образ*. Воля божия оставить храмы и построить храмы внутренние.

Святейший Тихон так любил белогорских отцов, что прямо при мне вскрыл их запечатанные письма и читал, обиваясь слезами, говоря: 'Истинно так, но ничего не могу сделать. Я не один. На меня оказывают давление и извне (имея в виду красных), и изнутри (свои архиереи). Никого у меня нет. Я один'.

Я, когда слышал это, тоже начинал плакать. Одиночество патриарха так напоминало мне одиночество последнего царя, старшего моего брата Николая. А потом свя-

тейший во время беседы смотрел вдаль и говорил: 'Бог не оставит Россию'.

Старцы укрепляли патриарха Тихона и вели его духовно. На епископской хиротонии за три дня до своей кончины Тихон, скорбя, сказал:

'Старцы были правы. Не послушался я их. Надо было сразу перейти в подполье. Церковь укрепилась бы, и оставилось бы победоносное шествие коммунизма. Но теперь поздно'. Провидел церковь старческую.

'Теперь тебе препоручаю жезл первосвященнический. Веди церковь путем, указанным отцами белогорскими. Скажи своим: Тихон скоро освободится. Престол тебе препоручаю и Владычице небесной'. На этом прервал. Времени у него оставалось мало. За ним зорко следили, и здоровья никакого.

Патриарх считал старца Николая своим духовником и по его прямому благословию посвятил меня в епископы как преемника.

Патриарх Тихон знал (перед епископской хиротонией), кто такой Серафим Поздеев – царь Михаил Романов. Я от престола не отказался.

О. Иоанн: Эту последнюю за тысячелетнюю историю православия хиротонию можно назвать самой бесценной, мирровой, истинно царской. Царство перемешалось в ней с патриаршеством, а патриаршество – с пророчеством. Оба, Тихон и Серафим, находились в состоянии восхищенном, оба проплакали всю хиротонию. После излияния мирра на главу Серафим спросил одно только: 'Став патриархом, остаюсь ли я царем?' И Тихон со слезами сказал: 'Да'.

При вручении святейшим новопосвященному епископского жезла Серафим ощутил себя новым Моисеем: ему

предстоит вести церковь в огненную пустыню православного исхода.

'Бог дает тебе жезл Моисеев, чтобы ты открыл им новые пути для православной церкви. Православие больно, его лихорадит. Прикрываясь образами старых святых, оно безнадежно пало. Бог поведет церковь дивными путями к своей грядущей славе. Церковь обновится почти до неузнаваемости. Ради нее мы и страдаем. А я уже не увижу церкви Иоанновой новой земли и нового неба', – плачет, обильно слезы текут.

Тайны затвора

Вл. Серафим: Для хранения тайн возлюби 'рот на замок' – уста держать закрытыми. Возлюбили мы тайные пути. От них переживали особое блаженство. Разглашение тайн чревато их вырождением и искушением, от них идущих для недостойных. Старцы научили меня хранить великие тайны, не выдавая их ни под каким предлогом.

Я носил в себе в земные дни боль всей династии. Два Николая были мной безмерно любимы. Последний царь, старший брат мой, являлся и укреплял с неба и Николай, старец мой, – с земного неба.

Научился десятилетиями скрывать. Монашеский затвор с белогорскими блаженными научил меня хранить внутренняя своя, дал особый щит и ограждение. Обстановка Соловков много напоминала мне святогорскую обитель.

Евхаристия, масла, храм

Евхаристия была особой. Евхаристия умножалась, чаша умножалась. И не требовалось горячей святой воды. По мере возгорания сердца температура святых даров увеличивалась и достигала температуры человеческого сердца. А святые дары умножались в чаше.

Особыми были масла белогорские.

Храм старцев был неповторимый, уникальный – простой, решетки на окнах и окруженный таинственными предметами из Иерусалима. Какого – земного, небесного – не знал.

Там, в Белогорском, больше всего ценили истовость. Пребывал в нем русский дух, сущий в церковно-славянском священном писании. Поклоны клали истово, молились истово. Истовое – истинно. И еще тысяча истин. Ни одна не открыта миру.

А зрение белогорское – читать по Книге книг, а ключ белогорского инобытия, тайна пространства и белогорской сферы: уходя в молитву, восхищаться в духе. А помазания белогорские не уступали ни греческому, ни грузинскому, ни еще десяти Афонам. Сама Владычица небесная зиждела здесь божий град: его врата, арки, царские палаты, его небесные покои и покоища, его таинственные входы.

Инобытие святых

Старцы наставляли иноков, как выйти из времени в инобытие. Иноками величали не в черные ризы облекшихся, а в *инобытийные* тела. Сладчайший выход в инобытие, превечность предполагал очищение от греха и семь таинственных обетов.

Одним из них стиралась память о прошлом, и в средоточии божественной инобытийности греховные тела предавались изнурению и умерщвлению и полному пренебрежению. Вспоминать доинобытийное прошлое считалось большим грехом, подлежащим исповеди у старца. Еще большим грехом против благодатного духа святого

считалось выходить из инобытия, а пребывать в нем непрестанно в божественном иновремени – признаком достижения высокой ступени продвинутости.

Мне тяжело говорить о первом, *придворном* периоде. Истинно *царский* наступил в иночестве.

При поручении престола в марте 1917 г. я пережил духовное помазание, или мистическую коронацию, от самой Владычицы небесной, и во внешней коронации не нуждался. И отец мой, Александр III, и мать, императрица Мария Федоровна, знали и предсказывали, что я буду последним русским царем согласно им известным пророческим источникам. Но как буду царствовать, не говорили (не знали).

Истинным помазанником был не я, а брат мой Николай. И расстрельное шоковое (лично для меня, для династии и России) состояние, пережитое после Мотовилихи, – 20 пуль, пущенных в упор пьяной дрожащей потной рукой красного бандита (и ни одна не сработала), и общий шок коммунистического режима, глухие выстрелы и расстрелы в бараках близ набережной Камы – способствовали быстрому вхождению в инобытие – как бы исчерпалось в упор расстрелянное прошлое. И Господь позволил мне питаться от иных источников. Поменялось имя мое, поменялось царство и с ним – помазание.

Истинным помазанником был Христос, Царь царей, и его царство было царством всех времен и народов. Истинно, впервые понял я как помазанник российского престола смысл тайны помазания. На Белогорье был дан мне жезл мировой для приобщения. Любимой книгой стала псалтырь, евангелие для помазанников.

Венцы и масла, кресты и блаженства.

В благозѣкии под гитару пел псалтырь. В благословѣкии пели благословенные. Как иначе выразить переживаемое? Что слова? Инобытийный мир исключал тревогу, страх и не нуждался во внешнем молитвословии.

Инобытийный мир дарил царственный покой и предполагал рождение свыше. Инобытийный мир сочетал Христа и его евангелию. Инобытийный мир приобщал к тайнам церкви, ее сокровищам, ключам и бьющим источникам.

Таинственный старец Николай

В 12 ночи со старцем Николаем погружались мы в монашеское инобытие и начинали молитву об усопших, в пакибытийной сфере реально сущих не менее, чем живые.

Имя старец носил в честь святого Николая Мирликийского и читал по белогорской Книге книг, творя великие чудеса: переносился по воздухам, знал и читал судьбы... показывал божественные тела и являл истинную власть Бога, наставляя меня:

'Если бы человек жил вне греха по воле Вышнего, дьявол не имел бы над ним никакой силы. А Господь вернул бы ему власть, которую давал Адаму, и бѣльшую. И ты, помазанник, прими власть от бога бѣльшую, чем власть Адама над душами человеческими и животными. Тебе Господь даст власть нарекать имена и судьбы. Тебе даст жезл железный пасти народы и державы. Тебе укажет мистическое предназначение вверенного тебе Отечества. Тебе раскроет все смыслы и тайны XX столетия'.

Без белогорской хранильницы тайн ничего не понять в истории России XX века. В Белогории, в ее священном храме учитывается каждая капля крови, мученически пролитой. Здесь ключ от ковчега Моисеева и от Святое святых.

Старец показывал наследие Руси от бога Отца: таинственные письмена, священные жезлы... Посвящал в тайны церковно-славянских риз языческих, учил молитве восхищения к небесному Иерусалиму, к инобытийным сферам. Приобщение к ним шло через тайну Пресвятой Богородицы, хранимую свято от древних времен и в старообрядческих книгах.

От Богородицы, матери святой Руси, ставились особые печати – двадцать, из них девство и крест – две существенные, и еще 18 блаженных. Высочайшая из них – Бранный одр и созерцание Жениха.

Старец владел таинственными ключами перехода в инобытийные тела через помазание белогорскими маслами, пост, приобщение к высотам русского духа, русского Бога, Христа пантократора, Марии девы Богородицы и 144-мя ключами победы над змеем. Таинства предполагали облечение в непобедимую кольчугу, (врученные) меч, копьё и лук.

Какая была у старца Николая молитва! Его тело, восковитое, мощевое, набальзамированное маслами, благоухало. Голос тихий и медоусто-блаженный. Псалтырь, евангелие, акафист из уст его текли, как медовые реки, как сладчайшая музыка, как неземные ангельские голоса и сферы.

Старец пребывал в белом царствии и был облечен в совершенные, нетленной красоты царские ризы. Ежедневная исповедь у него предполагала покаяние как суд божий над своей душой. От присутствия старца во время исповеди с наложением епитрахили и еще двух таинственных предметов (белогорский омофор один из них) прошлое виделось его очами и стиралось тряпицей божией, помазком.

Старец пользовался таинственными ларцами и маслами неземного происхождения и открывал таинники превечно-го Евангелия, ступени посвящения в сферы.

Для инобытия времени не существовало. Где мы? В Перми, в Петрограде, в Белогорском монастыре, на Соловках, в Бузулуке старец неотлучно был со мной.

А сладость причастия при велелепных движениях его руки? А неземной вкус вина Крови господней, им пресуществленного, Каны блаженной? Слова его были сладки и иномирны. Закрывал глаза и слушал музыку премудрости, сладчайшие гармонии небесных слов.

Старец говорил языком таинственным, простым и совершенно запечатанным, как сама псалтырь церковно-славянская. Понять смысл его речей умом было невозможно. Предполагалось внимание и включение человека нового.

Я вверился старцу своему без остатка сразу, как только пришел в крайнем изнеможении. Пал к его ногам и расплакался. Старец тотчас распорядился положить меня в отдельную комнату и по совершении молитв и помазаний какими-то священными маслами оставил меня в полном покое.

Встал я, проспав не меньше полутора суток, уже другим человеком. И сам себя не узнавал: ни тела своего, ни прошлого. В каком теле ходил – не знал. Где находился – недоумевал. Одним движением руки и властным движением глаз своих старец мой сделал со мной то, чего я не мог бы достичь за многие годы.

Трижды приходили мародеры и несчетное число раз – воры и красные. Иноки, предупрежденные старцем, уходили. А Николай и еще двое исчезали вместе с кельями.

Старец обладал великой силой и говорил: 'Кто перейдет эту границу (указывал пальцем) свалится в пропасть, и конец ему навеки'.

'Самый страшный грех, – его слова, – самый тяжелый соблазн для церкви – спутаться с красным зверем, пьющим кровь святых'.

Нет удела страшнее для христианина, чем приобщиться блуднице вавилонской и зверю багряному. Ничего страшнее нет. Красный старец становится карикатурным, красный монах – супротивным, а красную молитву слышит дьявол. Идет она на его престол, служит во зло и за нее вдвойне больший спрос с души, чем за грех убийства.

'Крест и венец тому сегодня, кто силой божией пойдет на красного дракона в чистом поле и победит его' (старец Николай).

В его келье круглосуточно благоухал уральский ладан, и от самого старца, от непрерывного поста, нескончаемых молитв, стеснений исходило благоухание.

Старец подарил мне две ризы. Одну из них я долго не снимал, а другую хранил, как мог, и пронес через всю жизнь. Помню его напутствие при ризоположении: 'Эту ризу ни штык, ни пуля, ни зло дьявольское не возьмет. В ней Господь тебя сохранит и нетления сподобит' (намекал, что если буду похоронен в ней, то дастся нетление). А потом перечислил, кто из старцев белогорских надевал ризу сию.

На вопрос мой, от кого идет таинственное учение истинного православия, старец отвечал: 'От древних времен, из вечности, когда еще не было человека... От самого бога Отца'.

Сколько времени провел я со старцем, сколько гостил у него – не знаю по земным часам. Не расставались. Посвятил меня старец и венчал. И дал силу и облек в бессмертные ризы. С ним пережил я и смерть, и победу над страхом и над врагами божими. На нем стояла печать победителя ада, ключ к священству царственному.

Видел отец духовный путь мой. Два срока: первый – на Соловках, второй – в Озерлаге. Читал наперед жизнь мою и плакал. Глаза его говорили: 'Если бы я тебе, Миша (и рыдает), рассказал, что вижу, ты б не выдержал'.

Не просто прозорлив был – знал, что случилось в день минувший и порой рассказывал с горечью в сердце или с плачем, читающий свыше старец. События освещал духовно, в мистическом ключе, как бы очами бога самого.

Господь открывал ему всех нуждающихся в молитве – и преподносил о них прошения свои небесному Отцу. Читал молитвы по своим книгам, и ученики его были во всех мирах.

Помазание в тайны

Каждое слово из псалтыри (или акафиста) старца наполнялось превечным смыслом. Старец и его учителя владели божественным языком божественного разума и передавали этот язык ученикам своим изустно, без каких-либо книг или школ.

Я никогда не учился ни в семинарии, ни в академии, но знал то, что не снилось ни одному академисту.

Слезы – от него. Старец мудрый ничему не учил и был красив так, что я глаз от него не мог отвести – любовался им. Лицо его, казалось, благоухало. Безмолвствовал. Никакими словами не передать атмосферу его кельи.

Полюбил меня сразу и сказал: 'Сиди и слушай'. И я слушал, что слушал он, и видел, что ему открывал Господь. Мир безмолвия открылся как живой и населенный, закрытый греховным словоблудием. Старец обитал в этом таинственном мире, как лев царственный. В этом безмолвном мире продолжалось наше общение. Я задавал вопросы, например, как достичь непрерывного безмолвия. Старец слышал и духом отвечал – духом же. Лежал, покоился. Прекрасный, как одр успенский, украшенный лилиями.

Ничего не отвечал, лежал, а я глаз от него отвести не мог. Никогда не видел подобного величия и наполненности безмолвием. И стал стыдиться прежнего себя: прежней речи, прежнего мира, прежних чувств и оценок.

Безмолвие не просто приглашало – усовещало и меняло в считанные часы. 'Это есть царственное состояние, – слышал я в духе голос старца, адресованный мне. – Это и есть состояние управления собой и миром, достойное царя'. – 'Как сохранить его в мире?' – недоумевал я, адресуя вопрос старцу. И у него текли слезы. И следовал ответ: 'Высшая степень сосредоточенности на страстях христовых, мир Агнца, реальное присутствие Христа'.

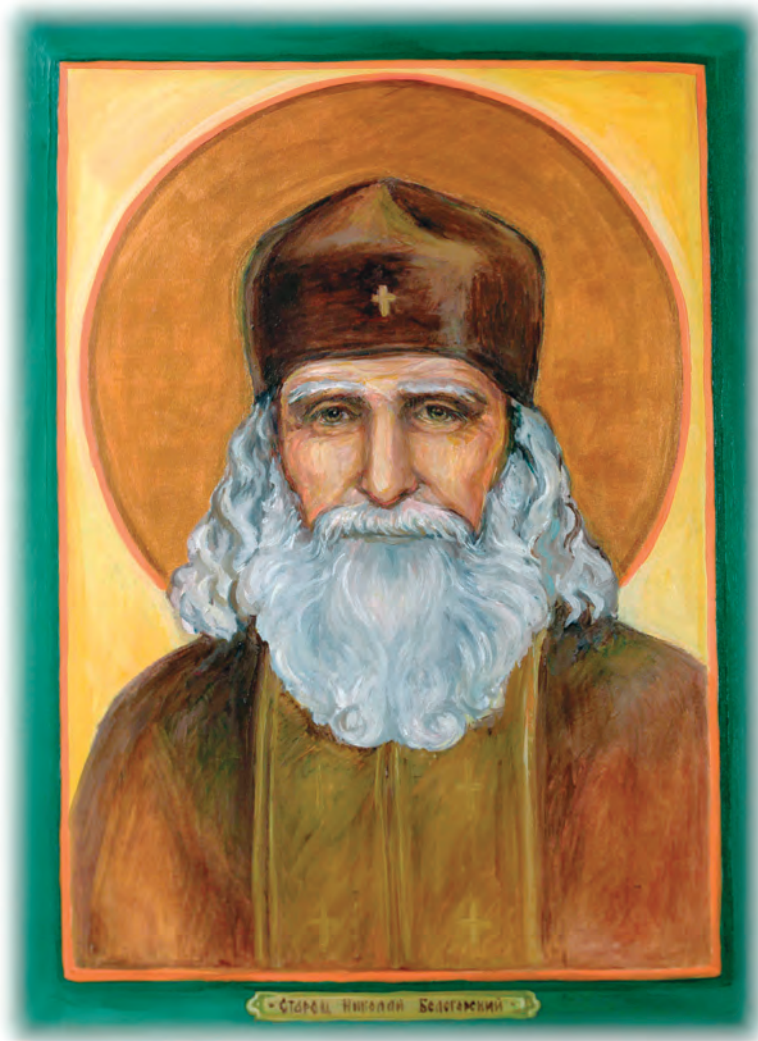
Исповедь у старца

Вокруг старца атмосфера была столь необыкновенной, что душа моя иногда ужасалась...

В 4 утра воскаждали ладан, и монахи спешили на исповедь. Труден путь, если не поставлена цель стяжать духа божия. Устава особо строгого не было. И как же был я удивлен, увидя, что исповедь старец принимал безмолвно, как и беседовал со мной. Лишь в редких случаях открывал уста для строгого усовещения, отеческой вычитки.

Вл. Серафим: При поручении престола в марте 1917 года я пережил духовное помазание, или мистическую коронацию, от самой Владычицы небесной. (с. 58)

Таинственный старец Николай Белогорский,
помазанный в тайны Святой Руси.

Старец мой в совершенстве владел искусством открывения помыслов, достигаемом единственно высотой его созерцательной молитвы. Контраст обычного монашеского мира с его схимническим безмолвием был такой, что души открывались и свободно исповедывались, и текли реки искренних покаянных слез.

Уже после первых дней душа моя пришла почти в полное смятение. Я был на грани смерти. 'Вот, – думал я, – где настал мой час. Пуля меня не брала и зло дьявольское миновало. А здесь Господь пригвоздил меня к смертному одру'. Время умереть ветхому человеку. Во мне происходила работа полного перерождения, причем так интенсивно, что не оставалось живого места.

Я находился в преисподнем ужасе, заглядывая в свое прошлое. Все было в нем неугодным богу, ни одного достойного шага, ни одной молитвы. Все против его пресвятой воли.

Старец на несколько дней отпустил меня, и я лежал, как мертвый. Тысячи игл вонзались в мое тело. Отчаяние и ужас усиливались, и прежняя жизнь уже была чужой и невозможной. Началась смертельная тоска. Какие-то существа – ангелы или демоны – реяли вокруг меня, как рой помыслов. С острой тоской вспоминал о матери, видя сильную связь с ней – искала меня, верила, что жив; о семье, о ближних, обо всех наших. Метался, не находил ответа. Как рыба, выброшенная на берег, задыхался, едва шевеля сухими устами.

Старец явился ко мне в тонком сне, коснулся лба, улыбнулся и сказал: 'Пойдем'. Я встал и пошел за ним.

Через неделю первая божественная беседа – каким назначил бог быть человеку. И опять увидел себя и ужаснулся. Третья беседа об уделе царя, каким было царство Адама – недосыгаемо высоким; греховное царство Каина и его потомства, царство Авраама, Давида, Моисея, царей иудейских. Чередой проходили перед взором моим и цари российских.

Старец внезапно прерывал беседу и переводил ее в безмолвие. Паузы длились по несколько минут.

Как отступили цари русские от царского предназначения! Что передавали они как наследие друг другу? Что внушали тетки и бояре детям своим, наследникам? Как работал дьявол, оскверняя венец!

От слышанного я становился подавлен. И одно только долдонил старцу своему: 'Как достичь этой высоты?' Отвечал только: 'От великой скорби', – и заливался слезами. И я начал от него плакать, иначе невозможно было его слушать. Безмолвие, как роса на руно, орошало божественную, царскую его сферу. По сравнению с его царством земное казалось ничтожным и преходящим.

Подвижник великой любви

Просил у него простых послушаний. Читал Лествицу в переводе Оптиной и авву Дорофея. Старец запретил общение, строго велел скрываться. Предсказал всю мою жизнь. И я в смиренности только склонял голову и просил его благословения, а рукой его как бы примерялся венец.

Это был старец великой любви. Был он полон любви. Каждое движение его было полно величия небесной любви, и мудрость исходила от его высшего мира. Так у его ног и сидел сутками.

Старец не снимал ни днем ни ночью схимнический аналав. И тело его было преображенным, восковитым. Часто как бы просыпался он от высоких созерцаний, и тогда лик его становился ангельским и радостным, и весело задавал простые вопросы: 'Ну как ты там? Жив еще?..' и т.п. И от этой его простоты такая радость растекалась, что хватало сил провести следующую ночь.

